

Лабиринт и мэйз как разноплановые пространственные загадки

Бреусенко-Кузнецов А.А.,

д.психол.н., доцент, Международный институт глубинной психологии, Киев

Лабиринт – символический образ, присутствующий во множестве культур, но именно древнегреческая мифология дала нам не только слово «лабиринт», не только его привязку к дворцу Миноса в Кноссе (Крит), но и подробный отчёт о причинах его создания. Узел смыслов, который лабиринт в себе несёт, выходит далеко за пределы той «задачи на пространственный интеллект», которая акцентируется нашими современниками. Интеллектуальное научение, которое бихевиористы изучали на крысах, происходило не в лабиринтах (в классическом смысле), а в запутанных пространствах т.н. мэйзов (от англ. *maze* – «путаница»).

Лабиринт не таков, как мэйз: он совсем не запутан. Тупиков и развилок в нём нет. Лабиринты в ландшафтной терапии – средство исцеления, т.к. мандала, являющая архетип Самости, собственно, и представляет образ целостности, наложенный же на неё жизненный путь задаёт процессуальную сторону исцеления, исполнения целостности. Несомненно терапевтическую (гармонизирующую, инициационную) роль играет прохождение классических лабиринтов (а не каких-нибудь изошрённых мэйзов), но столь же полезным следует признать и их создание: даже на бумаге, но особенно – в реальном ландшафте. Прохождение готовых Лабиринтов и создание Лабиринтов по готовому образцу – издавна применяемые способы терапии и самотерапии, лишь во 2-й половине XX века осознанные как таковые. Такая гармонизация через соответствие с готовыми шаблонами, впрочем, не предполагает индивидуального подхода. Взятые же в плане реальной спонтанной творческой активности, акты лабиринтотворчества обретают и немалый диагностический потенциал по отношению к жизненным путям конкретных лабиринтостроителей, к их текущим жизненным ситуациям и задачам.

Следует заметить, что в спонтанном лабиринтотворчестве (не подготовленном обращением к литературе, к классическим образцам) может быть реализована как классическая модель Лабиринта (3-, 7-, 11-круговая), так и типичный мэйз, а также промежуточные между ними стадии. Поскольку мэйз – это не только принципиально иной подход к задачам Лабиринта, но и – поздняя, «опустившаяся» (профанированная) его форма, то, стало быть, создавать отдельную систему истолкования для мэйзов едва ли будет целесообразным. Не случайно один из способов, которым можно получить мэйз – «испортить» Лабиринт: провести в нём более прямые пути, понаделать тупиков и развилок.

Наш опыт *исследования Лабиринта как комплексной архетипической темы* средствами разных модальностей групповой арт-терапии состоялся на проводимом ОО «Арт-терапевтическая ассоциация» 3-м летнем Арт-калейдоскопе в Щёлкино (мыс Казантип, Крым, 13-20 августа 2010). Центральной темой Арт-калейдоскопа в том году стали «Лабиринты отношений», и в контексте этой общей темы (акцентирующей *отношения*) наша исследовательская программа выступила одним из средств углубления и структурирования опыта, получаемого участниками всего арт-терапевтического действия. Лабиринт в нашей исследовательской программе изучался средствами

мифодраматерапии (занятие 1 – «Предыстория Лабиринта»), *песочной терапии* (занятие 2 – «Построение Лабиринта»), *сказкотерапии* (занятие 3 – «Прохождение Лабиринта»), что, по нашему замыслу, позволяло участникам получить полимодальный опыт этой важной архетипической реальности.

Чтобы в переживании данного символического образа выйти за пределы привычных интеллектуализаций, уместно «сделать лабиринт своими руками» с последующим прохождением. Терапевтической модальностью, наиболее удобной для действенного осуществления «лабиринтотворчества», стала *песочная терапия* (но не в классическом варианте, а в ландшафтном, т.к. песочница, предложенная участникам группы, была величиной с целую бухту).

В свете вышесказанного мы можем конкретизировать отличия между Лабиринтом и мэйзом в плане особенностей их прохождения и переживания:

- Лабиринт представляет жизненный путь, наложенный на мандалу, т.е. центрированный на Самости. Мэйз же представляет чисто интеллектуальное построение. Финальная точка – вовсе не обязательно в центре. Подлинная симметрия при этом подменяется видимостью. Ведущие к цели линии – не формообразующие для космического узора, а более-менее случайные. Внимание должно быть, таким образом, приковано не к символике мировой симметрии, а как раз к случайным элементам, эту симметрию нарушающим.
- Прохождение по Лабиринту предполагает прохождение по всей поверхности мандалического узора. Ориентируясь на центр, такой путь вместе с тем охватывает весь космос. Но не таков мэйз. Некоторые элементы пути – тупиковые да кружные ходы оказываются лишними, не обязательными для прохождения. Путь теперь можно «срезать».
- Ритм прохождения Лабиринта – равномерный; время структурировано столь же гармонично, как и пространство. Ритм прохождения мэйза – рваный, чего требует условие задачи: обязательно преодолеть интеллектуальные затруднения.
- В Лабиринте путь от периферии к центру дарует надежду: если не останавливаться, не колебаться и не обращаться вспять, то до центра обязательно дойдёшь. В мэйзе же появляются тупики и развилки. Тупик на жизненном пути – лишь интеллектуальная видимость. Жизненный путь всё равно продолжается, даже если идущий потерял ориентиры. Развилки – также интеллектуальная видимость. Как невозможно дважды войти в одну реку, так невозможно повторить совершённый ранее выбор.
- Лабиринт в высшей степени процессуален и помещает идущего по нему в психическое настоящее, в актуальное переживание пути. Иначе обстоят дела в мэйзе, путешествуя по которому человек принуждён оставаться в «средней зоне осознания», говоря языком гештальттерапии. Вместо того, чтобы идти вперёд, переживая ритмы приближения-удаления от цели, прохождение по мэйзу требует антиципации, интеллектуального предвосхищения, забегания вперёд с выдвигаемыми гипотезами.
- Лабиринт учит вере и надежде, терпеливому следованию по избранному пути; мэйз постоянно подбрасывает проблемы выбора направления, предрасполагая к колебаниям, неуверенности, нерешительности